

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

компетентным как А. Фушэ¹⁾. Читая эту превосходную работу, специалист переживает те же тяжелые ощущения, какие переживал автор, когда на каждом шагу убеждался, сколько драгоценнейших памятников этой столь мало известной древнеиндийской живописи погибло в Аджанте, благодаря неумению во время сохранить и предохранили от порчи фрески.

Приходится с горечью признать, что как в Восточном Туркестане европейские археологические экспедиции были в общем весьма неудовлетворительно оборудованы, так и в Индии дело сохранения памятников до последнего времени оставляет во многом желать лучшего. Эта критика не упрек, а только констатирование факта, объяснение которому очень просто: хорошее техническое оборудование стоит очень дорого, а ни одно государство в мире не научилось еще достаточному уважению к тому, что является делом рук или таланта человека, ибо все эти произведения «искусства», как в сущности их и признают «в кавычках», не представляют той материальной выгоды, которая является решающей при расходах со стороны государства, пока по крайней мере.

Сейчас благодаря просвещенной энергии сэра Джона Маршалла, стоящего во главе археологического дела в Индии и издавшего недавно небольшое, весьма ценное руководство по охране памятников, уже кое что делается. Повторяю, не вина выдающихся предшественников Маршала — Кеннинггэма Бёрджесса и Флита, если им не была предоставлена возможность должным образом охранять памятники древности в Индии.

В Аджанте надо спасать, что еще возможно спасти, и прежде всего описать все, по примеру Фушэ, который приступил к рассмотрению сцен из жизни Будды и предшествовавших этой последней жизни перерождений (джатаки). Отсылая читателя к его интересным и поучительным описаниям, мы не можем не указать на два, чрезвычайно важных, сделанных Фушэ замечания.

Напрасно искать во фресках Аджанты, как это были часто склонны делать до сих пор многие, изображения исторических сцен. Таким образом нам приходится, несомненно, рассататься с легендой об изображении персидского посольства к индийскому царю, с высадкой Виджая на Цейлоне, не приходится более искать в Аджанте портретов Хосроя и прекрасной Ширин. Мы имеем дело с буддийской иконографией и легендой, и только.

Другое очень любопытное замечание: Фушэ касается художественного приема мастеров Аджанты группировать вместе сцены по месту действия, а не только по

времени, по хронологической последовательности. Замечание это особенно ценно тем, что несомненно позволит нам теперь истолковать правильнее многие буддийские художественные композиции.

Если бы вышло больше работ в области буддийского искусства, подобных только что рассмотренной работе Фушэ, то мы могли бы скоро сказать, что знаем буддийское искусство. Но, как известно, хорошие работы редки.

Сергей Ольденбург

● В новом издании «Bulletin de l'Université de Tiïlis» (т. II, стр. 178—196) помещен некролог известного историка искусства *акад. Я. И. Смирнова* (ум. 23 октября 1918 г.). Некролог принадлежит ученику покойного д-ру Г. Чубинашвили (Чубинову) и дает обстоятельную характеристику его научной и преподавательской деятельности, а также работы в Эрмитаже, где Я. И. Смирнов заведывал средневековым отделением.

И. Кр.

● *Aegyptische Sonnenlieder. Uebersetzt und eingeleitet von Alexander Scharff. Mit 8 Abbildungen im Text und 4 Tafeln. (Kunst und Altertum. Alte Kulturen im Lichte neuer Forschung. Band 4), SS. 108. Verlag Karl Curtius Berlin—1922.*

Последние довоенные годы были ознаменованы рядом крупных изданий, ставших познакомиться как круг ученых специалистов, так и широкие слои населения с наиболее выдающимися памятниками классического востока, изданными либо точно текстуально, либо в переводе на европейские языки. Целый ряд многотомных серий на западе, «Культурно-исторические памятники древнего востока» и хрестоматия «Древний Мир» под общей ред. проф. Б. А. Тураева дают нам возможность ближе познакомиться с литературой древнего востока. Мировая война внесла некоторый перерыв в эту широкую научно-издательскую деятельность, и только теперь понемногу в связи с общим оживлением научной деятельности начинают постепенно выходить интересующие нас издания древневосточных памятников, и среди них мы с удовлетворением отмечаем выход в свет интересной, живой и богатой материалом книжки Шарффа под заглавием «Солнечные песни Египта».

Ее задачей является дать наиболее полный, яркий и в то же время строго сжатый подбор древне-египетских солнечных гимнов, песен, молитв и словословий в немецком переводе, подбор, который мог бы удовлетворить и даже заинтересовать novice и свежестью своего материала строгого специалиста и который в то же время был бы понятен и для неподготовленного читателя. Нам приятно радуется полнота, цельность и систематичность этого подбора, особенный интерес которого для нас заключается в том, что его главной целью

¹⁾ Превосходно снятые фотографии фреск Аджанты принадлежат нашему известному соотечественнику В. Голубеву.

является показать эволюцию в египетской религии с древнейших времен тех религиозных взглядов, которые в своем конечном результате привели к Амарнской реформе, и, с другой стороны, переживание его же круга идей в после-Эхнатоновской египетской религии. Таким образом основным стержнем работы Шарффа является развитие солнечного единобожия в древнем Египте.

Книге предпослано автором обстоятельное введение, переводы обильно снабжены примечаниями, наконец в ряде иллюстраций читателю даны также и некоторые наглядные представления о египетской культуре.

Обратимся сперва к разбору вступительной статьи автора. Избравши, очевидно, своей специальностью древне-египетскую религию, автор несомненно является крупным специалистом в данной области, обладая большими знаниями, которые он и обнаруживает в настоящем очерке. Однако нас сразу же неприятно поражают его основные методологические взгляды, которые он открыто высказывает в начале своей статьи. Говоря о происхождении солнечного культа в Египте, он особенно подчеркивает естественные, физико-географические моменты в вопросе о возникновении египетского культа божественного солнца; Ра, Гор, Атум, Амон — в их яркой и красочной мифологичности, в их конкретной и стихийной космичности, в их многогранной разноликости являются для Шарффа лишь бледным и скудным представлением о естественном и зримом солнце, ведущем постоянную борьбу с божеством тьмы Апофисом, чей своеобразный мифологический облик Шарфф легко и быстро отождествляет с простой грозовой тучей. Сведение всего богатства мысли и фантазии египетской солнечной религии к одной лишь ежедневной борьбе солнца с мраком (стр. 22) приходится считать большим упрощением интереснейшего вопроса древне-египетской культурной истории.

Некоторой неясностью и неполнотой страдает также и та характеристика, которую дает автор циклу верований, относящихся к Гору, одной из центральных фигур древне-египетского Пантеона. Остается совершенно непонятным, почему Шарфф отождествляет одного лишь Гора Эдфусского с божественным Соколом, нигде не указывая на то, что Гор Парский, государственный и клановый, также имел своей эмблемой и своим символом то же самое сакральное изображение особенно почитаемого в Египте сокола. Далее, говоря о синкретизме солнечных и теогонических мифов уже в древнейшее времена, автор приводит в доказательство своего положения целый ряд выдержек из памятников, которые однако не могут вполне удовлетворить, ибо они все относятся к довольно позднему времени, а именно к времени 18-й дина-

стии, являясь связанными с циклами Амона и Гатор. Гораздо интереснее были бы аналогичные места из древнейшей религиозной литературы Египта, из текстов пирамид и саркофагов или из гимнов дикла гелиопольского божества единого солнца Ра.

Недурно иллюстрируют текст вступительной статьи те рисунки, которые тут же приведены автором. Жаль только, что им не указаны те источники, откуда им заимствованы соответствующие изображения, — так, например, остается неизвестным происхождение любопытного чертёжа открытого и закрытого горизонта и небесных врат (стр. 7). Тут же следует отметить и недостаточное использование приведенного автором пиктографического материала. Не указана яркая и своеобразная раскраска рисунка, изображающего восход солнца и заимствованного, очевидно, автором из лондонского папируса Ани. Зелено-малахитовые, золотисто-желтые и ярко-красные цвета на этом рисунке несомненно символизируют переливы тонов и красок, наблюдаемые в момент солнечного восхода. Не отмечена и иероглифическая символика рисунка, заключающаяся в пяти вырастающих друг из друга символах. Знак озерной крепости — знак жизни — знак бессмертного бытия и духовного двойника человека, — знак солнечного диска — и знак небесного свода — стройно соединенные, почти слитые между собой, образуют своеобразную картину духовного мира, воспринимаемого сознанием древне-египетского художника.

Наконец, так же неполно и так же упрощенно очерчен автором интереснейший дикл верований древних египтян в загробную жизнь и в посмертные судьбы души покойного. Картина загробного мира, страны западной — Аментет, лишь в нескольких словах, бедно и схематически нарисована Шарффом, при чем он совсем не использовал всего того богатого материала, который сохранился в заупокойной литературе древнего Египта, в Книге Мертвых, в Книге Ам-Дуат и в Книге Врат и который дает нам возможность довольно точно восстановить топографию загробного мира, по верованиям древних египтян. Все эти своеобразные моменты древне-египетского мирозерцания изображены Шарффом с присущим ему натурализмом; так, например, шакалы, влекущие солнечную ладью в подземном мире, являются для него лишь специфическим способом передвижения, а не олицетворением звероподобного бога Анубиса, покровителя мумифицированного покойника и отчасти проводителя душ в загробном мире. Также и самый термин «выходение днем» — можно толковать не только в смысле постоянного стремления души покойного к дневному солнечному свету, но и как достижение высшей способности плотского и духовного превращения и преображения, венцом которого является

полное воскресение человека из тьмы смерти к солнечному свету жизни. Нельзя богатой своей символикой загробный мир древних египтян сводить к простым и элементарным формам земного бытия.

Вторая часть книги Шарффа включает в себе перевод 26 солнечных гимнов, из которых 17 было известно раньше, а 9 опубликовано впервые. Большой интерес, конечно, представляют переводы второй группы памятников, впервые издаваемых Шарффом и находящихся в Берлинском Музее. Все они исполнены Шарффом очень точно, с большим старанием передать по возможности близко древне-египетский подлинник. В этом их большое научное значение и их крупный для нас интерес.

В. Авдиев

● *Der Neue Orient. Monatsschrift für das politische, wirtschaftliche und geistige Leben im gesamten Osten.* 7 Jahrg. 1923. Heft 1—4. Berlin.

Берлинский «Новый Восток» вступил в седьмой год своего существования и, перейдя к более удобному формату небольших книжек, окончательно упрочил состав содержания и постоянных сотрудников. Среди редакторов мы видим Е. Миттвоха, нынешнего директора берлинского Семинария восточных языков; в числе постоянных сотрудников названы такие почтенные имена, как исламовед Беккер, семитолог Литтман, историк искусства Херцфельд, хотя в находящихся перед нами четырех книжках помещена статья только одного из них. Центр тяжести журнала лежит, повидимому, в политико-экономической области; ей в каждом номере посвящаются четыре-пять статей с интересным и живым материалом. Своевременно отметить, что серьезное внимание привлекает и советская политика на востоке, обсуждаемая в достойных тонах иногда с легко-понятными недоразумениями, но без специфического зложелательства. Неоднократно дебатировался вопрос о тибетской экспедиции П. К. Козлова, который превращен (стр. 59) в генерала. «Духовная жизнь» в статьях представлена слабее: в четырех книжках ей отведены только две работы—Литтмана (перевод одной палестинской сказки) и Биссинга (Колонна в искусстве переднего востока). Отдел мелких заметок и рецензий составлен несколько богаче и разнообразнее: в нем уделяется место и отзывам о чисто научных работах. Помимо отдельных рецензий даются иногда общие обзоры по странам. Из статьи о новой литературе по Индии узнаем (стр. 38) о переводе на немецкий язык сочинения «лучшего знатока буддийской философии» акад. Щербатского. В мелких заметках иногда чувствуется слишком большое доверие к источникам: трудно говорить (стр. 40) об «открытии» в Азиатском Музее Российской Академии Наук проезжим персом неизвест-

ных рукописей, раз существует их печатное описание и посвященные им работы русского ученого.

В основной части — политико-экономической — журнал информирован, повидимому, хорошо, хотя и основывается преимущественно на изданной в Европе литературе. Доступность цены позволяет рекомендовать его всем интересующимся современным востоком с указанных точек зрения.

И. Кр.

● *A. Sidiqi, M. A., Dr. phil. Studien über die persischen Fremdwörter im klassischen Arabisch.* Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1919. 118 стр.

Исследование словарных заимствований одного языка из другого весьма важно в культурно-историческом и чисто лингвистическом отношении. В культурно-историческом — такой анализ вскрывает часто неизвестные и подтверждает засвидетельствованные другими документами иногда весьма интимные стороны взаимоотношений двух народов. В лингвистическом — обогащает научную грамматику обоих языков, освещая и помогая устанавливать фонетические законы, утверждая вехи исторической грамматики. И исследование заимствованных слов из персидского в арабском обещает в этом отношении быть особенно плодотворным. Культурное влияние Персии на Аравию было довольно сильно и проникало туда различными путями, сухопутным и морским, непосредственно и через сирийский язык; начинаясь в до-мусульманское время, оно продолжается вплоть до нынешних дней. С момента завоевания Персии арабами начинается обратный переход арабских слов в персидский язык и становится все более интенсивным по мере усиления мусульманизации Персии. Вопрос о заимствованных словах волновал арабских ученых с самого раннего времени вплоть до нынешних дней (см. статью И. Крачковского в XIX томе «Записок Вост. Отдел. Арх. Общ.»). Этой же темой интересовались и ей посвящали свои труды и европейские ученые. Но не существовало до сих пор работ, специально освещающих и исчерпывающих лексические заимствования персидского в арабском. Такой труд может быть удовлетворительно выполнен только ученым с одинаковым интересом работающим в области арабской филологии и иранского языкознания, — условие, в настоящее время специализации, сосредоточения внимания на одном предмете, трудно выполнимое; лексическим заимствованиям из персидского языка были посвящены работы де Лагарда (в сирийском яз.) и Хюбшмана (в армянском; последняя работа, бывшая для своего времени образцовой, ныне, с развитием соответственных дисциплин, нуждается в дополнении, если не в переработке).